

ОПЛОТ РОССИИ: УРАЛ ГЛАЗАМИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СОЮЗНИКОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942 гг.)¹

В статье анализируются условия и факторы, определившие в 1941–1942 гг. повышенное внимание англо-американских союзников СССР к Уральскому региону как стратегической военно-индустриальной базе сопротивления агрессии нацистской Германии. Приводятся позиции и оценки представителей политического истеблишмента, дипломатов, журналистов, анализируется посвященная Уралу литература, вышедшая в США и Великобритании в указанный период.

Ключевые слова: Урал, Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Великая Отечественная война, стратегия, союзники

Период Великой Отечественной войны стал временем, когда Урал, по существу, впервые попадает в фокус пристального внимания политических и деловых кругов США и Британской империи, широкой общественности этих стран как индустриальный регион, призванный в решающей степени определить исход противоборства Объединенных Наций с державами «оси». Англо-американскими союзниками СССР стратегическое значение Урала было осознано уже летом–осенью 1941 г., когда Красная Армия в тяжелейших боях отступала на восток, оставляя врагу индустриальные центры и житницы европейской части страны. Вопрос о том, устоит ли Советский Союз под натиском военной машины Германии и насколько он будет вообще способен вести войну, утратив значительную часть своего индустриального потенциала, становился определяющим для США и Англии в выработке их политики по отношению к СССР.

Считалось, что в обстановке быстро приближающегося военного краха большевистской России оказывать ей помощь было не только бесполезно, но и рискованно, поскольку весь объем поставленных стратегических материалов мог легко оказаться в руках Гитлера. Этой проблеме придавалось в 1941 г. огромное значение, поскольку вопрос выходил за рамки судьбы одного только Советского Союза. Более чем вероятное, как тогда казалось, поражение СССР рассматривалось англо-американскими политиками и военными как пролог к захвату Германией необъятных экономических ресурсов Евразийского континента и завоеванию неуязвимой стратегической позиции. Опираясь на этот стратегический выигрыш, Германия в союзе с Японией могла перейти к конечной фазе борьбы за мировое господство — сокрушению англо-американского блока.

---

*Константин Иванович Зубков

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; zubkov.konstantin@gmail.com

¹Работа выполнена по программе ОИФН № 12-Т-6-1003

Это объясняет, почему еще в сентябре 1936 г. вся англоязычная пресса с тревогой цитировала Нюрнбергскую речь Гитлера, в которой он, сетуя на ограниченность экономических ресурсов Германии, открыто высказывал планы разгрома СССР и захвата его богатейших ресурсов: «Если у нас будет Урал с его неисчислимыми сырьевыми богатствами, если мы завладеем Сибирью с ее обширными лесами, если у нас будет Украина с ее зерновыми житницами, национал-социалистская Германия скоро будет купаться в изобилии»². Поэтому и нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. объяснялось в Англии и США, прежде всего, расчетами Гитлера как можно быстрее получить для долгосрочного ведения войны русские ресурсы. Значение ресурсного измерения войны подчеркивалось в обзоре положения на русском фронте, помещенном в октябре 1941 г. в американском журнале «Лайф». Считая потерю Украины с Донбассом и Ленинграда уже предрешенной, журнал с тревогой констатировал, что главные военные усилия Гитлера теперь будут сосредоточены на прорыве к Кавказу, открывающему Германии доступ к ресурсам чиатурского марганца и нефти Баку, и захвате Москвы как стратегического узла всей русской обороны. В этих условиях, как говорилось в журнале, «принципиальной важности вопрос о продолжении сопротивления России заключается в том, до какой степени в течение последних пяти лет, ушедших на подготовку к альтернативе ведения войны против Германии и Японии, удалось развить производство в Уральском регионе».

По мнению журнала, находившийся вне поля зрения иностранных экспертов, огражденный плотной стеной советской цензуры Урал, отвечая за 50 % советского производства подвижного железнодорожного состава, 40 % тракторов, 35 % алюминия, 20 % чугуна, 35 % добычи железной руды, 20 % химической продукции и 4 % нефти, становился тем «тузом в рукаве», приберегая который Советы могли продолжить сопротивление в случае сдачи Москвы. Сообщая читателям ранее неизвестные им названия промышленных центров Урала — Свердловск, Нижний Тагил, Челябинск, Магнитогорск, Уфа, Стерлитамак, Пермь, Соликамск, журнал убеждал читателей, что этот регион — лишь первое и самое мощное из военно-индустриальных «депо», которые Советский Союз создал за годы первых пятилеток вдоль трассы Транссиба. «Если случится самое худшее, то Красная Армия сможет все-таки удерживать оборону по всей Сибири, медленно отступая от базы к базе», — утверждалось в обзоре³.

Хотя подобные публикации давали упрощенное и чрезмерно оптимистичное видение стратегических последствий возможного отступления за Урал, они объективно склоняли общественное мнение США, Великобритании и ее доминионов к серьезному восприятию СССР как союзника в войне против Гитлера, что в тот период было чрезвычайно важно. Еще в сентябре 1941 г., когда бо́льшая часть политиков США и Великобритании была уверена в близком крахе СССР, известный американский журналист Морис

---

²Цит. по: The Montreal Gazette. 1936. September 14. P. 1.

³Life. 1941. October 13. Vol. LVIII, No. 2. P. 44, 47–48.

Г. Хиндус выпустил книгу с весьма говорящим названием «Гитлер не может завоевать Россию». Опираясь на свой двадцатилетний опыт изучения Советской России, Хиндус доказывал, что даже в случае захвата Гитлером европейской части СССР ему не удастся покорить эту огромную страну, во-первых, из-за ее необъятных пространств, способных поглотить любую армию, во-вторых, в силу особых свойств «русской человечности» — стихийного инстинкта свободолюбия и непокорности, который делает потенциальным партизаном каждого русского крестьянина [5, р. 12, 19].

За годы первых пятилеток, по мнению журналиста, эти свойства русской земли и русского характера обрели «стальную прочность» благодаря масштабной программе индустриализации и массовой пропаганде «советского патриотизма». Так, «сопротивление» русского пространства вторгшемуся врагу многократно усилено тем, что СССР форсированными темпами в кратчайший исторический срок сумел рассредоточить свой экономический потенциал по всей своей громадной территории, возвести далеко на востоке целые индустриальные районы. Называя Уральский промышленный район «превосходным бастионом против врага с запада и востока», Хиндус описывает его как бурно растущую и «почти самодостаточную» «индустриально-аграрную империю», располагающую в своих пределах всеми видами производств, необходимых для выживания и обороны. Исключительно важной для эффективной обороны чертой развития уральской индустрии (как и в целом советской политики размещения производительных сил) американский журналист считал ставку на «экономическую автономию» — неизбежное при громадных расстояниях и неразвитых путях сообщения следование принципу построения экономики в виде «многослойной», эшелонированной системы относительно самодостаточных военно-индустриальных комплексов [5, р. 64, 65–66].

К более осторожной, но в целом оптимистической позиции относительно резервов русской обороны уже в сентябре 1941 г. стали склоняться и официальные круги. В документе, озаглавленном «Мнение Объединенного комитета начальников штабов относительно производственной программы Соединенных Штатов» (от 11 сентября 1941 г.), американские военные, обобщая развитие военной обстановки в разных частях света, все еще характеризовали исход русско-германской схватки как неясный. Однако, хорошо сознавая стратегическое значение русского фронта, они полагали, что «если советские войска будут отброшены даже за Уральские горы и если они будут продолжать там организованное сопротивление, всегда будет существовать надежда на окончательное и полное поражение Германии...». В связи с этим как одна из возможных и важнейших мер со стороны союзных держав выдвигалась задача организации снабжения русских сил вооружениями и поставками извне, и «путем обеспечения производственных мощностей в бассейне реки Волги или к востоку от Уральских гор» [1, с. 638, 649]. По мере того, как силы вермахта приближались к Москве, внимание союзников к Уральскому региону закономерно возрастало, поскольку многие военные эксперты в октяб-

ре 1941 г. считали, что Советам придется формировать следующую линию обороны уже по течению Волги⁴.

В это же время, осенью 1941 г., Урал попадает в поле зрения англо-американских политиков и дипломатов в связи с развернувшейся в условиях отступления эвакуацией на восток СССР промышленных предприятий. В октябре 1941 г. американский посол в Лондоне Джон Г. Уайнант, перечисляя оборудование и материалы, в которых срочно нуждался Советский Союз, телеграфировал госсекретарю США Корделлу Халлу: «Многие из этих нужд возникли из-за уничтожения Днепрогэса и блокады Ленинграда, что породило нехватку главным образом алюминия, сталелитейного оборудования и ферросплавов. Они (русские — К. З.) предпринимают все усилия для того, чтобы перебазировать оборудование из этих регионов за Волгу и на Урал, и есть причины верить, что это им удастся». Посол сообщал о необходимости незамедлительной доставки из США электропечей, кузнечных прессов и другого заводского оборудования в связи с предпринятой русскими «срочной программой расширения (индустриального строительства — К. З.) на Урале»⁵.

Советское контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. вызвало в англосаксонском мире настоящую волну обостренного интереса к источникам советской военно-промышленной мощи, в первую очередь к малоизвестным регионам, расположенным за Волгой. В 1942 г., в условиях сохраняющейся неопределенности на советско-германском фронте, американские дипломаты регулярно отсылали в Госдепартамент составленные на основе доступной (в основном газетной) информации репортажи о состоянии советского стратегического тыла. Американский поверенный в делах Уолтер Тёрстон в феврале 1942 г. выделил в качестве одного из главных факторов способности Красной Армии выдерживать напряженную борьбу с агрессором бурно растущую на востоке СССР — частично за счет эвакуированных предприятий, частично за счет нового строительства — военную промышленность. При этом дипломат ссылался на информацию, полученную от корреспондента «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро — одного из немногих иностранных журналистов, добившихся разрешения побывать на Урале. Посетив в начале 1942 г. Свердловск, журналист «признавался, что был поражен размерами одного из индустриальных предприятий, только что введенных там в действие»⁶.

В апреле 1942 г. посол США адмирал Уильям Х. Стэндли, анализируя материалы советской печати, сообщал в Госдепартамент, что прочность советской обороны во многом определялась заблаговременно осуществленным в годы первых пятилеток «плановым рассредоточением экономики страны», последовательно сдвигавшим «центр советской индустрии все дальше на восток, все дальше от границ». Посол писал: «В течение двух пятилеток на Урале было возведено более 200 промышленных предприятий, включая такие гиганты, как Магнитогорский металлургический комбинат. Основная

⁴См.: The Free Lance-Star. 1941. October 21. P. 2.

⁵Foreign Relations of the United States / Diplomatic Papers (FRUS/DP), 1941 (In Seven Volumes): Vol. I. General. The Soviet Union. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1958. P. 844, 845.

⁶FRUS/DP, 1942 (In Seven Volumes): Vol. III. Europe. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1961. P. 414.

часть нового индустриального строительства была расположена за пределами радиуса систематических операций вражеской авиации». Говоря о результативности беспрецедентных мероприятий по эвакуации промышленности на восток СССР, Стэндли сообщал: «Все главные промышленные предприятия были вовремя эвакуированы на восток с оккупированных территорий и из приграничных районов и, как правило, вновь вступали в эксплуатацию в течение двух или трех месяцев»⁷.

В 1942 г. широкая общественность США, Великобритании и британских доминионов получила возможность больше узнать о восточных регионах СССР, в первую очередь об Урале. В период ожесточенных весенне-летних оборонительных боев Красной Армии на Сталинградском направлении, когда Советский Союз вновь оказался в тяжелой ситуации, вопрос о том, какими резервами будет обладать советская оборона перед натиском германской военной машины в случае падения Сталинграда, закономерно выходил на первый план. В этой критической фазе развития военной обстановки интерес к СССР в странах антигитлеровской коалиции стал еще более определенно фокусироваться на районах «советской Азии» и, прежде всего, на Урале.

В США, Великобритании, Канаде и Австралии именно в 1942 г. издаются целый ряд книг, впервые «открывавших» для читателей те тыловые районы СССР, которые ранее были для них настоящей *terra incognita*. Среди наиболее заметных таких работ, получивших широкий общественный резонанс и многочисленные рецензии в прессе, следует упомянуть книги американца Джона Скотта «За Уралом: американский рабочий в русском городе стали» [6], известных канадских журналистов Рэймонда А. Дэвиса и Эндрю Дж. Стейджера «Советская Азия: первая линия обороны демократии» [3], британской исследовательницы-востоковеда Вайолет Конолли «Советская Азия» [2], удачно соединявшего талант коммерсанта, экономического эксперта и журналиста англичанина Мориса Эдельмана «Как Россия готовилась: СССР за Уралом» [4], известной своими прокоммунистическими настроениями американской журналистки Анны Луизы Стронг «Наш русский фронт» [7]. Пронизанные искренней симпатией к сражавшейся России и обращенные к широкой читательской аудитории, эти в высшей степени информативные книги, тем не менее, мало напоминали сухие научные монографии.

Недостаток документальных источников в них искупался богатым личным опытом знакомства авторов с жизнью СССР (в т. ч. Уральского региона) в 1930-е гг. — воспоминаниями об участии в строительстве легендарной Магнитки (Дж. Скотт), впечатлениями от поездок по стране, связанных с научными (В. Конолли), торговыми (М. Эдельман) и журналистскими (Р. А. Дэвис, Э. Дж. Стейджер, А. Л. Стронг) целями. Доступная авторам экономико-статистическая информация, иллюстрирующая впечатляющие результаты сдвига советской индустрии на восток, соседствовала в этих произведениях с живыми зарисовками трудовых будней новых предприятий и ин-

---

⁷Там же. Р. 434, 435.

дустиальных городов, с материалом, почерпнутым из встреч с партийными руководителями, инженерами, торговыми работниками, рабочими, колхозниками. Все это должно было объяснить западному читателю, как правило, негативно воспринимавшему в предшествующий период всякую информацию об СССР, истоки советского «чуда» — способности страны, ослабленной сталинскими репрессиями, жестокостями коллективизации, хроническим недопотреблением, явившимся следствием форсированной индустриализации, в одиночку выстоять в борьбе с нацистской Германией.

В условиях войны такие книги неизбежно приобретали и характер политического памфлета, поскольку их авторы, открыто ратуя за активную борьбу с нацизмом, осуществляли важную миссию сплочения антигитлеровской коалиции уже тем, что производили кардинальную инверсию в восприятии западным миром Советского Союза. Те непонятные западному читателю жертвы и лишения, которые советские люди выносили в ходе осуществления масштабной программы индустриализации, внезапно находили свое оправдание в стойкости советской обороны перед натиском агрессора и бесперебойной работе советского тыла.

Р. А. Дэвис и А. Дж. Стейджер, говоря о гигантских достижениях в индустриализации Урала в годы первых пятилеток, так резюмировали их значение для совместной борьбы Объединенных Наций: «Многие удачливые, чопорные, самодовольные и откормленные американцы зло высмеивали эти усилия. Мы полагали, что всякий, кто жертвует комфортной жизнью, не говоря уже о роскоши, ради “материалистического” (как некоторым из нас нравилось это слово!) производства машинного оборудования, был явно не в себе. Но весь демократический мир, включая Америку, сегодня должен признать, что мы заблуждались, а русские были правы. Многие сотни тысяч американских, канадских и британских парней сохраняют свои жизни благодаря тому, что индустриальное производство на Урале делает сегодня русских способными производить оружие для того, чтобы уничтожать миллионы вражеских солдат и сдерживать нацистские атаки до того момента, когда Объединенные Нации, координируя усилия, смогут нанести нацизму решающий удар» [7, р. 58].

Библиографический список

1. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: в 2 т.: пер с англ. М., 1958. Т. 1.
2. *Conolly V.* Soviet Asia. L., 1942.
3. *Davies R. A., Steiger A. J.* Soviet Asia: Democracy's First Line of Defense. N. Y., 1942.
4. *Edelman M.* How Russia Prepared: U.S.S.R. Beyond the Urals. N. Y., 1942.
5. *Hindus M. G.* Hitler Cannot Conquer Russia. Garden City, N. Y., 1941.
6. *Scott J.* Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Boston, 1942.
7. *Strong A. L.* Our Russian Front. Sydney, 1942.

K. I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

Russia's Stronghold: the Urals in Sight of the Anglo-American Allies at the Beginning of the Great Patriotic War (1941–1942)

The article analyzes the conditions and factors that had determined in 1941–1942 the heightened attention paid by the USSR's Anglo-American allies to the Ural region as a strategic military-industrial base for resisting aggression of Nazi Germany. The author adduced the attitudes and appraisals given by the politicians, diplomats, and journalists; the literature on the Urals published in the USA and Great Britain during this period is also analyzed.

Key words: the Urals, the United States of America, Great Britain, Great Patriotic War, strategy, allies